

УДК 070
ББК 76.120
К72

СИМВОЛ ДОМА НА СМЫСЛОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ РУССКОГО ТЕКСТА «СОВРЕМЕННЫХ ЗАПИСОК» И ПОЭТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС ЖУРНАЛА

А.В. Каменская

В статье посредством обращения к текстам эмиграции «первой волны» как особой категории раскрывается возможность выявления проблемно-тематического и образного единства, определяемого как *русский текст* эмиграции, включающего в себя ряд комплексов, ориентированных на осмысление российских событий 1917 года и во многом носящих мифопоэтический характер. *Русский текст* охватывает собой большую часть эмигрантских текстов и обеспечивает целостность произведений авторов, печатавшихся, в том числе, и на страницах важнейшего издания эпохи – журнала «Современные записки», объединившего вокруг себя большинство видных представителей русской интеллигенции в Париже, столице русского зарубежья.

На примере поэтических произведений ведущих авторов журнала рассматривается символ дома, который на конкретном текстуальном пространстве выступает конституэнтном мифологеми *Космос* в *русском тексте* «Современных записок».

Ключевые слова: эмиграция «первой волны», журнал «Современные записки», поэтический дискурс, «русский текст», мифологема «Космос», символ дома.

Российская эмиграция XX века, особенно эмиграция «первой волны» (1917–1930-е годы), привлекает внимание ученых на протяжении всего периода существования «зарубежной России».

За пределами России тогда оказалась едва ли не половина творчески активных носителей прежней культуры, ведущих представителей философии и искусства. Покинувшие страну в результате революции и Гражданской войны целенаправленно стремились создать сообщество, установить связи, устоять против ассимиляции, не раствориться в приютивших их народах. Бывшие беженцы составили на чужбине уникальное сообщество, исключительность которого состояла в той «сверхзадаче», что поставила перед изгнанниками история: сохранение и развитие русской культуры.

Возникновение столь уникального, не имеющего аналогов ни в российской, ни в мировой культуре сообщества создало предпосылки для возможности выявления проблемно-тематического и образного единства, условно определяемого как *русский текст* эмиграции, включающего в себя ряд комплексов, ориентированных на осмысление российских событий 1917 года и во многом носящих мифопоэтический характер [4, с. 63].

Русский текст охватывает собой большую часть эмигрантских текстов и обеспечивает целостность произведений таких авторов, как М. Цветаева, В. Смоленский, К. Бальмонт, Ю. Иваск, В. Иванов, Д. Кнут и многих других, печатавшихся, в том числе, и на страницах «Современных записок» – ежемесячного общественно-политического и литературного толстого журнала эмиграции «первой волны», важнейшего издания эпохи, который в течение двадцати лет (с 1920 по 1940 год) играл роль культурного центра, объединявшего вокруг себя почти всех видных представителей русской

интеллигенции в Париже, культурной столице русских изгнанников.

Георгий Адамович в книге «Одиночество и свобода» говорит: «Вокруг был Запад, в частности Париж, блестящий и безразличный, с общим уровнем области творчества до сих пор еще, после непрерывного четырехсотлетнего цветения, настолько высоким, что он и манил, и отпугивал, да и таил он в себе какую-то сухость и холодок, глубоко чуждые всему русскому...» [1, с. 46]. В связи с этим Елена Менегальдо, дочь русских эмигрантов первой волны, удачно подмечает: «Во Франции, где русские беженцы находят в конце концов пристанище и распаковывают свои чемоданы, их дома зачастую превращаются в “музеи былой Руси”» [3, с. 58].

Переходные эпохи всегда характеризуются актуализацией оппозиции *дом – дорога*. Архетип дома выступает в качестве некоего ностальгического комплекса, обусловленного реализацией потребности в утраченном чувстве дома как символа стабильности.

По мысли Н. Хренова, дом – это некое исключаящее хаос сакральное пространство, символ включенности человека в пространство и связи с ним, являющийся одним из значимых элементов традиционной и архаической картины мира (к примеру, для ориентации архаического человека в пространстве дом является определяющим элементом). Дом выступает свидетельством сотворенного пространства, преобразования природы в культуру, а его возникновение в архаической культуре придает миру пространственный смысл, так как именно с помощью возведения дома мир становится организованным, упорядоченным [5, с. 284]. А.К. Байбурун полагает, что с появлением дома мир приобретает черты пространственной организации, а в пространстве появляется универсальная, помогающая упорядочить пространство вне дома точка отсчета [2, с. 10].

Поведение человека в доме регламентируется нормами, а поведение человека в дороге не предполагает нормы. То есть если все, что связано с домом, репрезентирует Космос, то все, что связано с дорогой, оказывается экспликацией всего неупорядоченного, ненормированного – Хаоса [5, с. 285].

Репрезентируя Центр мироздания, дом становится некоей сакральной точкой. «Од-

нако, – полагает исследователь, – недостаточно превратить пространство в космос, нужно, чтобы оно своего сакрального смысла не утрачивало. Если что-то происходит с центром сакрального пространства, то рушится и весь космос, а следовательно, в пространство вторгается хаос, разрушая его. Наступает переживаемая “концом света” катастрофа. Но именно это переживание и характерно для переходных эпох. Особая значимость центра мира объясняется тем, что самая сакральная точка пространства – это точка, где земное пространство соприкасается с небесным пространством, которое и является средоточием сакрального. Там, где утрачивается власть сакрального, происходит контакт не с небом, а с преисподней» [там же, с. 297].

Примерами средоточия сакрального пространства могут служить *гора, храм, город, лестница* или *дом*.

Дом выступает организованным, а потому сакральным пространством, точнее – центральной точкой такого пространства, соотносимой с Космосом и противопоставляемой Хаосу. Очевидно, что стремление культивировать ценности дома означает стремление не утратить связи с сакральным пространством и избежать контакта с хаосом [там же, с. 298]. По мысли А. Млечко, помимо актуализации оппозиции *дом – дорога* символ дома, выступая одним из основных конституентов оппозиции *Космос – Хаос*, является разграничителем *своего* и *чужого* (сакрального – профанного), а глубокая культурная укорененность и коннотационное богатство символа дома позволяют говорить о достижении им статуса мифологемы [4, с. 150].

Одним из крупнейших эмигрантских поэтов, в творчестве которого необыкновенно отчетливо была проартикулирована символика дома, была М. Цветаева. В 1938 году она пишет Анне Тесковой: «Я – страшно одинока. Из всего Парижа – только два дома, где я бываю» [6, с. 472]. Об этом же – в другом письме (тому же адресату): «Вокруг – угроза войны и революции, вообще – катастрофических событий. Жить мне... здесь не за что. Эмиграция меня не любит... Но Москва превращена в Нью-Йорк: идеологический Нью-Йорк – ни пустырей, ни бугров – асфальтовые озера

с рупорами громкоговорителей и колоссальными рекламами» [6, с. 433]. Родина Цветаевой стала ей чужой. Единственное, что осталось поэту, – это вспоминать *ее* Россию, *ее* Москву и *ее* дом. То есть воссоздавать те картины, которые с детства живут в глубинах памяти.

Так, в «Современных записках» появляются два стихотворения Цветаевой под названием «Дом».

Цветаевский дом всегда был островком высокой культуры, где господствовала гармония разума и чувств. Отец и мать являли собой союз достойных людей, миссией которых было утверждать высшие ценности мировой культуры. Фундаментом дома служили труд, порядочность, долг, бескорыстие, самоотдача. Из него изгонялись лень, эгоизм, своеволие, слабование. К нему вполне применима оценка, данная Цветаевой дому Иловайских: он «был исполнен благородства. Ничего мелкого в нем не было» [7, с. 123].

Спустя много лет эмигрантка Цветаева, отождествляя *дом* с душой, воссоздает его образ в одноименном произведении «Дом» («Из-под нахмуренных бровей...»). Между домом в Трехпрудном переулке, домом *ее* души, и домом временным, эмигрантским, лежит громадная пропасть. Подчеркивая контрастность ощущений, о доме души она говорит: «Дом – будто юности моей // День, будто молодость моя» (Современные записки. 1933. № 51. С. 186), а временное пристанище описывает как «трущобы в непросыхающей грязи». Поэт боится, что, так и не увидев вновь родного дома, *ее* жизнь закончится вдали от него: «От улицы вдали // Я за стихами кончу дни – // Как за ветвями бузины» (там же. С. 187). Но *ее* дом (как и *ее* душа!) не поддается никаким внешним обстоятельствам, выживет, несмотря на все происходящие катаклизмы: «Не сдавшиеся злобе дня // Глаза, оставшиеся – да! – // Зерцалами самих себя». Описывая островок души как «Дом – пережиток, дом – магнат, // Скрывающийся между лип», Цветаева признается, что это «девический дагерротип» *ее* души (там же).

В одноименном стихотворении «Дом» («Лопушинный, ромашный...»), опубликованном спустя три года после издания первого, поэт рисует совершенно другой образ. В противо-

вес горечи и любви, с которыми автор возрождает райский уголок своей души в рассмотренном выше стихотворении, здесь перед нами возникает дом «так мало домашний», который «к городу задом // Встал, а передом – к лесу» (Современные записки. 1936. № 61. С. 165).

Оппозиция *город – лес* весьма значима, так как *город* традиционно воплощает центр мира, является мировой горой, олицетворением мировой оси, местом входа на небо, под землю и в преисподнюю. Название Вавилона (от *Babilani* – «ворота богов») отражает представление о том, что именно здесь боги спускались с неба на землю. Кроме того, считается, что закладка и обустройство города осуществляется не в произвольном порядке и не в соответствии с сугубо утилитарными требованиями, но подчиняются определенной сакральной идее, становясь таким образом символом этой идеи.

Символика *леса* связана с оппозицией *Хаос – Космос*, принимающей вид «природа – культура». Лес считается частью первозданного хаоса материи, связывается со стихией земли, является местопребыванием животной и растительной жизни, не подчиняющейся человеку. Он противопоставляется городу и дому как пространству цивилизации.

В этом цветаевском доме, повернутом к лесу, есть окна, из которых «души во все очи глядят». Окна поэт сравнивает с иконами, лица – с руинами и аренами и подчеркивает, что в этом доме идет «бой за существование-ванье». «Так и ночью и днем // Всех рубах рукавами // со смертью борется дом» (там же. С. 166). Автор акцентирует временность и ненадежность эмигрантского существования: «Не рассеявшийся сиднем // И не пахнувший сдобным. // За жкоторый не стыдно // Перед злым и бездомным. // Не стыдятся же башен // Птицы, ночь переспав... // Дом, который не страшен // В час народных расправ» (там же).

Символ дома мы также находим в первой части стихотворного цикла А. Штейгера «Бессарабия» («Две барышни в отрывом шарабане...»), где поэт рисует декорации минувшего века: «Дворянский дом на склоне у реки, // Студент с начала самого «вакаций», // Фрук-

товый сад, покосы, мужики...» (Современные записки. 1940. № 70. С. 129).

Цикл был написан в имение (селе) Непоротово, где Штейгер довольно продолжительное время гостил у дворян Статевичей. В 1920–1930-е годы Бессарабия хранила черты русского мира, и встреча с ней для Штейгера воспринималась практически как встреча с реальной родиной – настолько сильно чудом сохранившийся быт бывшей губернии Российской империи напоминал о традициях дореволюционной родины. В декорации прошлого столетия вписываются и барышни в открытом шарабане, и двое панычей, следующих верхом за ними, – «все как в наивно-бытовом романе, // Минувший век до самых мелочей...» (там же).

Но и дворянский дом, и прочие декорации России ушедшего века отражают «скрытую подделку» и обнажают страх, что «движется сейчас по циферблату роковая стрелка...» (там же).

О доме, схожем с оставшимся на родине очагом, говорит Ю. Мандельштам в стихотворении «Ну что мне в том, что ветряная мельница...». Автор говорит о явившемся во сне похожем на его «чужом домике», вблизи которого «рыдая надрывается гармоника» (там же. 1937. № 63. С. 163), а на пригорке стоит ветряная мельница. Но лейтмотивом звучат слова: «Ведь все равно ничто не переменится // Здесь, на чужбине, и в моей стране». Поэт сокрушается: «Я все равно не возвращусь домой» (там же). Остро ощущая изгнание, тяготясь бездействием, храня надежды и воспоминания и накапливая в душе раскаянье и грусть, автор задается вопросом: «Но отчего неизъяснимо-русское, // Мучительно-родное бытие // Мне иногда напоминает узкое, // Смертельно ранящее лезвие?» (там же. С. 164).

Символ дома встречаем и у А. Ладинского в стихотворении «Труды людей, и предприятия пчел...». Автор проводит аналогию между занятиями пчел и людей: «Труды людей, и предприятия пчел, // И геометрия пчелиных сот... // Постройка дома, прилежанье школ, // Пшеничные амбары, воск и мед...» (там же. 1936. № 61. С. 160).

Поэт говорит о значимости обычных трудовых будней русского человека ушедшей страны (опять же, в параллели с пчелой): «Прекрасно это – строить прочный дом, // Пшеницу насыпать в большой амбар, // Хозяйственной пчелою над цветком // Трудиться, хлопотать в полдневный жар» (Современные записки. 1936. № 61. С. 160).

На фоне подобных «настоящих» трудов – постройки прочного дома и заготовки пшеницы (значимых символов ушедшей страны) – особенно фиктивно выглядит все то, в чем пользы нет – фейерверк, дым, платье в мишуре балов (все то, в чем утопает эмиграция).

Таким образом, рассмотрев символ дома (как некое исключаящее хаос сакральное пространство), эксплицируемый в поэзии авторов журнала, в частности М. Цветаевой, А. Штейгера, Ю. Мандельштама, А. Ладинского, можно заключить, что, обратившись к понятию текста как особой категории, мы имеем право говорить о наличии мифологемы *Космос* в поэзии авторов журнала в *русском тексте* «Современных записок».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адамович, Г. Одиночество и свобода / Г. Адамович // Одиночество и свобода : очерки / Г. Адамович. – СПб. : Азбука-классика, 2006. – С. 20–51.
2. Байбурин, А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян / А. К. Байбурин. – Л. : Наука, 1983. – 192 с.
3. Менегальдо, Е. Русские в Париже. 1919–1939 / Е. Менегальдо. – 2-е изд., доп. рис. Алексея Ремизова «Из Достоевского». – М. : Кстат, 2007. – 288 с.
4. Млечко, А. В. От текста к тексту. Символы и мифы «Современных записок» (1920–1940) / А. В. Млечко. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2008. – 574 с.
5. Хренов, Н. А. Культура в эпоху социального хаоса / Н. А. Хренов. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 448 с.
6. Цветаева, М. Письма / М. Цветаева // Собр. соч. : в 7 т. / М. И. Цветаева. – М. : Эллис Лак, 1995. – Т. 6. – 800 с.
7. Цветаева, М. И. Дом у старого Пимена / М. И. Цветаева // Автобиографическая проза. Дневниковые записи. Воспоминания о современниках. Эссе. Письма / М. Цветаева. – Екатеринбург : У-Фактория, 2003. – 768 с.

**THE HOME SYMBOL ON THE SEMANTIC PLACE *RUSSIAN TEXT*
OF THE JOURNAL “SOVREMENNYE ZAPISKI”
AND THE POETIC DISCOURSE OF THE JOURNAL**

A. V. Kamenskaya

In the article by means of reading texts of emigration of “the first wave” as especially category, is exposing the ability of discover the problem-subject-matter and figurative community, what is meaning as the *Russian text* of emigration including some complexes which is orients to comprehensive events have done in Russia in 1917 and have such mythopoetical character. *Russian text* includes the biggest part of emigrants texts and guarantees the integrity of authors poems (texts) who had been printed in the greatest journal of those period – “Sovremennye zapiski”, which was include the most popular Russian intelligent in Paris – the capital of “Russian foreign countries”.

By the example of authors poetical creations of this journal taking up the home symbol which on the concrete text place appear as constituent mythologemme of *Space* in Russian text “Sovremennye zapiski”.

Key words: *emigration of “the first wave”, the journal “Sovremennye zapiski”, poetical conversable, “Russian text”, mythologemme “Space”, home symbol.*